

книги» со времен царя Федора Ивановича до 1657 г. Начать же историю предполагалось с рассуждений «о сарматском, словенском и русском народах» по хронике Матвея Стрыйковского, с призвания варягов и далее от Рюрика написать о русских князьях «перечнем».³ Дьяки обращались за рукописными книгами и документами в Посольский, Разрядный и Патриарший приказы, к частным лицам, к очевидцам событий. Отсутствие документов и источников предопределило неуспех всего дела, ибо тот же Посольский приказ не передал дьякам никаких материалов, продолжая сосредоточивать в своих руках историографическую работу. Л. В. Черепнин считает, что именно запрос из Записного приказа побудил создать в Патриаршем приказе «Сказание о поставлении на патриаршество Филарета Никитича» — труд историко-философский, связывающий церковную историю Руси с историей происхождения христианства и церкви вообще.⁴

Если историки XVIII в. рассматривали степенные книги, хронографы, летописи, дипломатические документы прошлого как источники для своих трудов, подвергали их отбору, критиковали так называемые легенды XVI в. — о происхождении рода русских князей от Августа кесаря, о призвании варягов, о Мономаховых регалиях, то для историографии XVII в. это еще настоящее, и первым двум представителям династии Романовых приходилось доказывать свое исключительное право на русский престол и подтверждать свое «братство» в сложном родстве европейских государей именно с помощью этих легенд.

Если в XVIII в. история понимается уже как история государства, то для складывающегося абсолютизма XVII в. она отождествлялась с историей государей и, может быть, поэтому форма «Степенной книги» являлась наиболее удобной и влияние ее на последующие исторические труды особенно велико. Однако требование новой формы было во второй половине XVII в. теоретически обосновано в практическом руководстве по составлению истории — «Историческом учении», наставлявшем писать «по чину историческому» и «по обычаю историков».⁵ Произведение это, источниковедчески совершенно не изученное, возможно переводное и компилятивное, несомненно связано с общеевропейской исторической ученостью и с идеями гуманистов; так, важнейшим аргументом автора служит афоризм Платона: «Подданные благоденствуют тогда, когда или философ царствует, или царь философствует».

70-е годы отмечены большой «издательской» деятельностью Посольского приказа.⁶ Руководителем, а возможно и инициатором этого предприятия был глава приказа Артамон Сергеевич Матвеев, о чем он, ссыль-

³ См.: С. А. Белокуров. Из духовной жизни Московского общества XVII в. М., 1903, стр. 53—84; Л. В. Черепнин. «Смута» и историография XVII в. — ИЗ. № 14, М., 1945, стр. 109. (Далее: Л. В. Черепнин. «Смута»); Д. С. Лихачев. Наука и просвещение в России до XVIII в. — В кн.: История Академии наук СССР, т. 1, М.—Л., 1958, стр. 17—18); С. Л. Пештич. Русская историография XVIII в., стр. 53—56.

⁴ См.: Л. В. Черепнин. «Смута», стр. 114.

⁵ Текст «Исторического учения» — ГПБ, Ф. IV. 159; Е. Замысловский. Царствование Федора Алексеевича, ч. 1. СПб., 1871, Приложения, стр. XXXV—XLII; С. Л. Пештич. Русская историография XVIII в., стр. 45—52, 57.

⁶ См.: И. М. Кудрявцев. Издательская деятельность Посольского приказа. (К истории русской рукописной книги во второй половине XVII в.). — Книга. Исследования и материалы, сб. VIII, М., 1963. Тут же приведена наиболее полная библиография по Титулярнику. Основное внимание исследователей привлекали иллюстрации Титулярника, текст его не был предметом изучения.